

Телет

Диатрибы

I. О явлении и сущности[110]

Говорят, что казаться справедливым лучше, чем быть им. Тогда, значит, лучше казаться хорошим, чем быть им?

— Конечно.

— Разве хорошие актёры искусно играют потому, что кажутся хорошими актёрами, а не потому, что в самое деле такие?

— Благодаря тому, что они действительно такие.

— А кифареды хорошо играют на кифаре потому, что так только кажется, или потому, что так оно и есть?

— Благодаря тому, что они в самом деле хорошие музыканты.

— И в остальном люди совершают добрые поступки потому, что считаются добрыми, или потому, что они действительно таковы?

— Потому что они действительно такие. Свойства, благодаря которым люди хорошо живут, более ценны, чем те, из-за которых они не в состоянии хорошо жить. Таким образом, пожалуй, лучше оказаться в действительности хорошим, чем только казаться; лучше также быть справедливым, чем казаться, ибо только тот действительно хорош, кто справедлив, а не только кажется справедливым.

— Ну, а как обстоит дело с остальными благами, которые кажутся людям таковыми? Ты предпочитал бы обладать ими или воображать, что обладаешь? Владеть или казаться владельцем? Далее, ты предпочёл бы действительно видеть или только казаться зрячим? Быть в действительности здоровым или только казаться им?[111] Быть в самом деле сильным или казаться? Быть богатым и окружённым друзьями или казаться таким? А в отношении душевных качеств? Что лучше — быть разумным или казаться? Обладать душевным спокойствием или казаться спокойным? Быть по-настоящему отважным, бесстрашным, мужественным или только казаться? Быть или казаться справедливым?

— Но я скорее предпочёл бы казаться храбрым, чем быть им.

— Разве храбрый человек не бесстрашен и спокоен, если только он действительно храбрец? Почему же ты всё-таки хочешь только казаться отважным, а не быть им?

— Тогда меня будут уважать.

— Да, тебя поставят впереди всех и потребуют, чтобы ты участвовал в поединке, станут хитрить, подстраивая, чтобы жребий пал именно на тебя, а когда он выпадет, будут радоваться, как в случае с Аяксом[112]. В каком же положении ты, будучи трусом, окажешься, когда столкнешься с опасностью? А когда попадешь в плен и тебя примут за храбреца, на твои руки и ноги наденут тяжёлые цепи и пытать тебя будут в оковах. Ты будешь говорить правду, но никто тебе не поверит. Будут думать, что ты насмехаешься, потому что притворяешься стойким и несгибаемым. Вот смотри, что тебе придётся претерпеть, если ты только станешь делать вид, будто храбр и вынослив, ибо одно ты выдвигаешь на передний план, а другое скрываешь, подобно тому как это делают риторы.

II. Об автаркии[113]

Как хорошему актёру надлежит искусно играть ту роль, которую ему поручает в своей пьесе драматург, так и хорошему человеку следует уметь сыграть роль, назначенную ему судьбой. Ведь и она, утверждает Бион, как некий поэт: одному даёт роль протагониста, другому — девторогониста, одному — роль царя, другому — бродяги-нищего. Будучи на вторых ролях, не стремись играть героев. В противном случае ты совершишь нелепый поступок[114]. Ты умеешь хорошо приказывать, я — повиноваться, — продолжает он. Ты хорошо воспитываешь многих, а я — одного лишь вот этого мальчугана. Ты богат и щедр, я же смело беру у тебя, не раболепствуя, не пресмыкаясь, не жалуясь на свою судьбу. Ты разумно пользуешься своим большим достоянием, а я — малым.

Ведь, говорит Бион, не только большое богатство нас кормит и не только им можно благоразумно пользоваться, а малый и скромный достаток будто бы уж нельзя использовать целесообразно и непритязательно. Поэтому, продолжает он, если бы вещи, как мы, люди, обладали даром речи и могли защищаться, разве не заговорили бы они, подобно рабу, который, найдя убежище в храме, оправдывается перед господином: «За что ты преследуешь меня? Разве я у тебя что-нибудь украл или не выполнял всех твоих приказаний? Может быть, я не приношу тебе назначенный оброк?»

Так и Бедность, пожалуй, ответит на упреки, адресованные ей: «Что ты против меня имеешь? Разве из-за меня ты лишился чего-нибудь хорошего? Благоразумия, справедливости, мужества? Может быть, ты нуждаешься в чём-нибудь необходимом? Разве, куда ни пойдёшь, не полным-полно всякой зелени или в источниках иссякла вода? Разве в моём обществе нельзя испытывать радости? Разве ты не наблюдал, как мурлычет старушка, грызя свою корочку? Когда ты испытываешь голод, не я ли даю тебе дешёвую и простую пищу? Разве голодный человек не получает наслаждения от еды и не менее всего нуждается в приправах? А тот, кто испытывает жажду, не пьёт в сладость и лишь томится в ожидании редких напитков? Может быть, голоден тот, кто хочет съесть пирожное, или жажда томит того, кто выпил бы дорогого хиосского вина?[115] Разве ко всему этому стремятся люди не из-за распушенности? Разве я, Бедность, не представляю тебе

бесплатное жильё: зимой — бани, летом — храмы? Где ещё найдёшь такую полную воздухом и великолепную летнюю резиденцию, как я здесь, в Парфеноне? — спрашивает Диоген»[116].

Если бы такую речь произнесла Бедность, что бы ты мог на это возразить? Я бы, по крайней мере, онемел. Но мы скорее склонны считать виновными всех и вся — старость, бедность, первого встречного, день, час, место, но только не собственное упрямство и глупость. Поэтому, говорит Диоген, он слышал, как Порок обращался сам к себе с упрёком:

В этом никто не виновен, — лишь я во всём виноватый[117].

Но большинство слепо обвиняют не самих себя, а обстоятельства. Бион же говорит: «Так случается, когда имеешь дело с тварями: неловко дотронешься — последует укусы; если змею схватить посередине, она тебя укусит, если же ухватиться за шею, то ничего не будет». Так, говорит он, и с обстоятельствами: если на них напасть, исход будет печальным, а если ты ухватишься за них, как Сократ[118], то ничего дурного не случится. В противном случае тебе придётся плохо, и вовсе не из-за обстоятельств, а вследствие твоего собственного характера и твоих ложных взглядов.

Поэтому не следует пытаться изменить обстоятельства, а лучше самому подготовить себя к любому обороту событий, как это делают моряки. Ведь они не прилагают усилия к тому, чтобы изменить ветры или состояние морей, но готовятся к тому, чтобы примениться к ним. Море спокойно — налегают на вёсла. Ветер по курсу — поднимают паруса. Подул противный ветер — паруса свёртываются. Так и ты. Приспосабливайся к обстоятельствам. Постарел — не строй из себя мальчика. Слаб — не старайся казаться сильным, но поступай по примеру Диогена. Когда однажды он себя неважно чувствовал, а какой-то человек толкнул его и хотел сбить с ног, он всё же не упал и, указав на колонну, сказал: «Милейший, вот принимайся за неё и сваливай!»

Ты беден — не старайся жить, как богач, а поступай так, как при изменении погоды: попутный ветер — поднимай паруса, враждебный — опускай. Так же действуй в соответствии с обстоятельствами: богат — распускай паруса; беден — сворачивай. Но, к сожалению, мы не умеем довольствоваться наличным, пока для нас так много значат жизненные удобства, работу же мы считаем позором, а смерть — худшим из зол. Если же достичь того, чтобы и удовольствия презирать, и к трудам не относиться с предубеждением, быть равнодушным к славе и бесславию и смерти не бояться, тогда можно поступать как угодно и не причинить себе боли.

Поэтому, как уже говорилось, я не понимаю, каким образом в самих обстоятельствах может заключаться что-нибудь неприятное — в старости, бедности, изгнании. Хорошо говорит Ксенофонт: «Если я покажу тебе двух братьев, наследовавших равное состояние, но одного живущего в нищете, а другого — в довольстве, не ясно ли станет, что здесь виной вовсе не деньги, а нечто совсем другое?»[119] Поэтому, если я покажу тебе двух стариков, двух бедняков, двух изгнанников, но один из них живёт в полном спокойствии и благополучии, а другой — в постоянной тревоге, не ясно ли, что тут виной не старость, не бедность, не изгнание, а нечто совсем иное?

А вот как обошёлся Диоген с человеком, который жаловался на дороговизну в Афинах. Он взял и повёл его в парфюмерную лавку и спросил, сколько стоит флакончик кипрского масла. «Мину», — ответил хозяин. «Да, дорогой город Афины!» — воскликнул Диоген. Тогда он повёл этого человека в харчевню и спросил, сколько стоит тарелка супа. «Три драхмы». — «Что и говорить, дорогой город», — возмутился Диоген. Потом он справился о цене тонкой шерсти и стоимости овцы. «Мина», — ответили ему. «Дорогой город! — снова воскликнул он. — Теперь посмотрим, что тут», — и подвел его к продавцу бобов. «Почем мера?» — «Грош», — ответил торговец. «Дешёвый город!» — заметил Диоген. Подошел к продавцу смокв. «Два гроша». — «Ну, а миртовые ягоды?» — «Два гроша». — «Поистине дешёвый город Афины!» Следовательно, не город дорог или дешёв, а он кажется дорогим или дешёвым в зависимости от образа жизни. В одном случае — дешёвым, в другом — дорогим. Точно так и в остальном. Поступаешь разумно, всё кажется простым и лёгким, неразумно — всё кажется тяжелым.

— Но всё же, сдаётся мне, в бедности есть нечто тяжкое и обременительное, и скорее, пожалуй, нужно больше уважать того, кто спокойно переносит бедную старость, чем старость в богатстве. — Но что плохого и обременительного в бедности? Разве Кратет и Диоген не были бедняками? Разве бедность была им тяжкой, когда они избавились от тщеславия и научились питаться дешёвой пищей и просить подаяния? Тебя постигла беда, и ты кругом в долгах. «Бобы собирай и моллюсков...» — советует Кратет. Поступай так и легко одержишь победу над бедностью.

Почему, скажи мне, нужно больше ценить того, кто спокойно проводит старость в бедности, чем богатого старика? Ведь не так легко узнать, что собственно такое богатство и бедность. Много стариков достаточно богаты, а всё недовольны. Есть, впрочем, и бедняки недостойные, жалкие и ничтожные. Одному нелегко пользоваться богатством и в то же время оставаться свободным и независимым, а другому — быть бедным и благородным. Перед каждым из них стоит одна и та же задача: кто умеет разумно пользоваться многим, тот сумеет справиться и с малым. И если это удаётся бедным, то нужно продолжать жить, если же нет, то легко уйти из жизни, как уходят с праздника.

Бион говорит: «Подобно тому как мы покидаем квартиру, когда хозяин, сдавший нам её, не получает своевременно плату и отнимает ключи от дверей, забирает посуду и не даёт пользоваться колодцем, так же мы покидаем наше брэнное тело, когда природа, сдавшая нам его в аренду, отнимает зрение, слух, руки, ноги. В этом случае я не собираюсь задерживаться в мире и уйду, словно с пира, ничуть не расстраиваясь, из жизни, когда пройдёт мой час, и мне скажут: „Взойди на корабль!“ Подобно тому как опытный актер мастерски играет и в начале пьесы, и в середине, и в самом конце, так и мудрый человек хорошо проживает начало своей жизни, середину и достойно встретит свой конец. Когда мой плащ превращается в лохмотья, я бросаю его и больше не надеваю».

Так и жизнь, когда она уже ничего не стоит, я не влачу её и не цепляюсь за неё, но покидаю её, если уж не в силах быть в ней счастливым. Так поступил и Сократ. Ведь он вполне мог, если бы захотел, убежать из тюрьмы, но, когда судьи предложили ему заплатить денежный штраф, он не обратил на это предложение никакого внимания, а захотел, чтобы его почтили бесплатным кормлением в Пританее[120]. Из трёх отпущенных ему на приготовление к

смерти дней он в первый же день выпил яд, не дожидаясь последнего часа третьего дня и захода солнца. В первый же день совершенно спокойно, как рассказывает Платон[121], без содрогания, не изменившись ничуть в лице, не побледнев, но даже весело и мужественно взял чашу и выпил одним глотком весь яд. Выплеснув остаток, как при игре в коттаб, он протянул чашу и сказал: «За твоё здоровье, мой Алкивиад!»[122]

...Сократ спокойно переносил также дурной нрав своей жены и не раздражался, когда она громко бранилась. Когда же Критобул спросил его: «Как ты только терпишь такую сожительницу?» Он, в свою очередь, спросил его: «А как ты — своих гусей?» — «Какое мне дело до гусей?» — удивился Критобул. «Так вот и я обращаю на неё не больше внимания, чем на гусыню!»[123] Когда в другой раз Сократ пригласил Алкивиада на завтрак, а Ксанטיפпа, проходя мимо, в сердцах перевернула стол, он не огорчился и не закричал: «Что за безобразие!» — чтобы своими сетованиями устыдить её, а просто собрал всё упавшее со стола и попросил Алкивиада снова поставить на место. Тот сделал вид, что не слышит, и сидел смущённый, отвернувшись от стыда. Тогда Сократ сказал: «Выйдем на улицу. Кажется, Ксанטיפпа сегодня вымещает на нас своё дурное настроение».

Несколько дней спустя он сам завтракал у Алкивиада, как вдруг налетела огромная птица и перевернула блюдо с едой. Сократ отвернулся, как бы испытывая стыд, и перестал есть. Тогда Алкивиад засмеялся и спросил: не потому ли он не завтракает, что пролетела птица и всё свалила. Он ответил: «Конечно. Ведь накануне, когда Ксанטיפпа перевернула стол, ты не захотел есть, так теперь, думаешь, я стану есть, когда птица перевернула блюдо? Может быть, ты полагаешь, что она чем-нибудь отличается от глупой птицы? Если бы свинья перевернула стол, ты не стал бы сердиться, — продолжал он. — А если бы это сделала жена с нравом свиньи, то не потерпел бы?»

III. Об изгнании[124]

Человеку, думающему, что изгнание отрицательно влияет на умственные способности, было бы, как мне кажется, полезным привести сравнение из области искусств.

В самом деле, во время пребывания на чужбине человек не начинает хуже играть на флейте и не разучивается исполнять свою роль в театре. Так же обстоит дело и со способностью принимать правильные решения. А тому, кто считает изгнание вредным по какой-либо другой причине, нужно только напомнить слова Стильпона[125], о которых я уже раньше вспоминал: «Каких, по твоему мнению, благ лишает человека изгнание — духовных, телесных или внешних? Может быть, оно лишает его благоразумия, способности правильно мыслить или делать добрые дела?» — «Конечно, нет». — «Тогда, возможно, оно отнимает у него мужество, чувство справедливости или ещё какую-нибудь добродетель?» — «Нет», — «Может быть, что-нибудь из телесных благ? Но разве на чужбине нельзя быть таким же здоровым и сильным, обладать таким же острым зрением и слухом (а иногда даже более острым), как на родине?» — «Конечно, можно». — «Не внешних ли благ лишаются люди в изгнании? Но разве мы не наблюдали, что у многих, после того как они становились изгнанниками, дела в создавшихся обстоятельствах складывались гораздо лучше? Разве Феникс, изгнанный Аминтором из Долонии, не бежал в Фессалию?»

И пришел я во Фтию, овец холмистую мать,
Прямо к Пелею-царю. И меня он, приняв благосклонно,
Так полюбил, как любит родитель единого сына,
Поздно рождённого старцу, наследника благ его многих.
Сделал богатым меня и народ многочисленный вверил[126].

И всем известный Фемистокл сказал: «Дети, мы погибли бы, если бы не погибли»[127].
Подобных примеров сколько угодно. Каких же благ лишает человека изгнание, причиной
каких несчастий оно является? Что касается меня, я этого не знаю. Это мы сами часто себя
закапываем, независимо от того, находимся ли мы в изгнании или на родине.

— Тебя не поставят у власти, ты по будешь пользоваться доверием и свободой слова.

— Но некоторые изгнанники становятся начальниками городской охраны на службе у царей
и даже правителями целых народов, получая богатые подарки и доходы. Разве изгнанный
из Италии известный Ликин не был у нас губернатором и не стал доверенным лицом
Антигона, а мы, находясь у себя дома, не подчинялись ли приказам Ликина? Ну а
Гиппомедон из Лакедемона[128], которого поставил ныне правителем Фракии Птолемей,
или афиняне Хремонид и Главкон[129], разве они не его ближайшие помощники и
советники? Это тебе не какие-нибудь примеры из древней истории, а наша
действительность. И разве в конце концов его не поставили во главе огромного флота и не
доверили громадную сумму денег, которой он мог распоряжаться по собственному
усмотрению?

— Но в своей собственной стране изгнанники не могут стоять у власти.

— Да, но этого не могут делать и женщины, которые сидят дома, и дети, и вот эти мальчики,
и глубокие старики. Но разве они от этого страдают? Может быть, они огорчатся из-за
того, что они не евнухи и поэтому не участвуют в свите матери богов Кибелы? Не всё ли
равно — быть правителем или жить как частный человек? Ты правишь многими (или
немногими) взрослыми, а я руковожу несколькими детьми и в конце концов просто
осуществляю власть над самим собой. Ведь одним и тем же опытом овладевают как многие,
так и каждый в отдельности: и государственный деятель, и тот, кто берётся построить дом,
и на чужбине, и дома. Одна и та же рассудительность нужна как правителю государства,
так и частному лицу.

— Что будет, коли я не стану править, а буду жить частной жизнью?

— Но ты не сумеешь вести частную жизнь.

— А я и сейчас не могу, например, участвовать в празднике Фесмофорий, как женщины — в
празднествах Эниалия, никто также не может войти в святилище храма, но если кто-нибудь
станет печалиться по этому поводу, разве это не было бы ребячеством? Подчас я не могу
попасть в гимнасий, но, придя в баню, я намазываюсь тем же самым маслом для борцов, как
и раньше в гимнасии. Так и в данном случае. Понимая, что здесь мне недоступна частная
жизнь, я переселяюсь и живу в другом месте. Подобно тому как, перейдя с одного корабля
на другой, можно и на нём совершить удачное путешествие, так, сменив один город на

другой, я могу и там быть счастливым. Таким образом, для меня не такое уж большое несчастье или позор не жить среди дурных людей. Разве это мой позор, а не тех, кто изгнал меня, хотя я честен и справедлив?

Неплохо эта мысль выражена Филемоном. Однажды он поставил на сцене свою пьесу и возвращался домой. Некоторые из встречных вежливо говорили ему: «Какой хороший день был у тебя сегодня, Филемон». На что он отвечал: «Вы говорите так, потому что только сейчас увидели мою комедию. Но я всегда пишу хорошие пьесы».

— Разве это не позор, когда тебя изгоняют дурные люди?

— Что же, ты бы предпочел быть изгнанным достойными людьми? Или не таков смысл твоего вопроса? Ведь добропорядочные люди никого не изгоняют бессмысленно и несправедливо. В противном случае они не были бы добропорядочными. — Тогда не позорно ли, что такие люди открыто или тайно голосуют против тебя? — Это не твой позор, а тех, кто устраивает по такому поводу открытое или тайное голосование. Если бы, например, отпустив прекрасного врача, они выбрали на его место аптекаря и поручили бы ему дело государственной важности, то, как ты думаешь, это было бы позором и бедой врача или тех, кто участвовал в выборах?

— Но как не считать несчастьем но крайней мере то, что человек, так много сделавший для родины, вынужден видеть в ней только дурное и бранить за неблагодарность? — Но как же можно назвать несчастьем, когда человек узнает правду, которой он прежде не знал? Может быть, даже скорее это счастье, если позволено так сказать? Ты, пожалуй, будешь благодарен, узнав, что твоя жена негодяйка и злоумышленница, о чём раньше ты и не догадывался, а раб, сбежавший от хозяина, к тому же ещё и вор, ибо впредь сможешь их опасаться. Поэтому, узнав, что родина несправедлива к тебе и неблагодарна, разве ты будешь считать себя несчастным, а не станешь испытывать благодарность?

— Всё же, несмотря на сказанное, мне кажется чем-то прекрасным жить там, где родился и вырос.

— Даже если дом, в котором ты родился и вскормлен, прогнил, протекает и обветшал? Разве ты не пересел бы с корабля, на котором родился и плавал с детства, если бы он был только утлым суденышком и тебе приходилось бы буквально разорваться, работая вёслами, на другой — двадцативёсельный, более надёжный и удобный? Над тобой смеются — ты с Киферы, ты с Микония, а ты вот с Бельбины[130]! И тем не менее продолжают твердить: великое дело — жить там, где родился и вырос, хоть большинство городов почти полностью уничтожены, а жители — нечестивцы.

— Прекрасна и мила родина уже сама по себе.

— Но многие бранят тебя за то, что ты метэк:

Ты здесь родился, вырос, но не раб ли ты? Ты восхищаешься основателем Фив Кадмом[131], а меня, если я не имею прав гражданства, презираешь? Восхваляя Геракла как величайшего героя, разве мы считаем позором то, что он метэк, ибо, изгнанный из Аргоса, жил в Фивах

как чужеземец. Спартанцы не считают это позором, и человека, участвующего в походе и честно выполняющего свой долг, будь он чужеземец или илот, почитают наравне с лучшими, а труса, пусть он будет даже из царского рода, причисляют к илотам и не допускают к управлению государством.

— А не позорно ли быть погребённым не на родине?

— Но как может быть позором то, что часто случается даже с самыми доблестными мужами? И разве можно назвать почётной привилегией то, что легко достаётся самым дурным из людей? Сократа хвалят, когда, порицая афинян, он иронизирует: «Стратеги, которыми они так гордятся, покоятся в чужой земле, а позор демократии — на государственном кладбище»[132]. И несмотря на это, быть похороненным вдали от родины позорно, а на государственном кладбище почётно? Метко ответил один аттический изгнанник, когда кто-то корил его: «Тебя похоронят вдали от родины, как нечестивых афинян в Мегарах». — «Нет, как благочестивых мегарцев в Мегарах», — возразил он. И вообще, какая тут разница?! Разве, как говорит Аристипп, путь в Аид не повсюду один и тот же?[133] Даже если тебя совсем не похоронят, что тебе до того? Борьба за погребение, напоминает Бион, породила много трагедий. Так, Полиник просит:

Меня земле предайте, мать и ты, сестра,
В отчизне милой. Граждан убедить должны
Мне разрешить покоиться в родной земле,
Хоть возмутил я всех и многих погубил[134].

Но если тебя не схоронят в земле отцов, а могила твоя останется в чужой стране, что за беда? Разве лодка Харона перевозит в Аид только из Фив?

Покой найти в земле родной — нет выше благ[135].

Ну, а если не найдёшь покой, а останешься без погребения, что тебе до того? Какая разница — сожгут ли тебя на костре или собаки сожрут, станешь пищей для воронья на земле или для червей в земле?

Закрой глаза мои своей рукой, о мать моя![136]

А если не закроет тебе глаза и ты умрёшь с открытыми глазами и разинутым ртом, что в том страшного? Разве тем, кто умирает в море или на полях сражений, кто-нибудь закрывает глаза? Мне, по крайней мере, всё это кажется какой-то игрой... Мы боимся смотреть на труп и прикасаться к нему, [египтяне же] бальзамируют его и хранят дома как нечто прекрасное и даже берут трупы в залог[137]. Так их обычаи отличаются от наших.

IV А. О бедности и богатстве[138]

— Обладание богатством, как мне кажется, избавляет людей от недостатка и нужды.

— Каким это образом? Разве ты не видишь, что некоторые люди, владеющие, как кажется, немалым богатством, не пользуются им из-за грязной жадности и уподобляются Приаму,

который не захотел сидеть в кресле, хоть

много их в комнате было[139],
и сел на землю,
катаясь в пыли[140].

Есть такие люди, которые, несмотря на то что у них много всякого добра, по скупости ни к чему не прикасаются, а мыши и муравьи у них больше изгрызают, чем они потребляют сами. Так и Лаэрт, один со старой служанкой удалившись в деревню, мучается и чахнет, в то время как женихи истребляют его добро[141]. Так и Тантал, как рассказывает поэт[142], стоит в озере, а над головой у него висят плоды, но, как только

воды захлебнуть порывался
или сорвать плоды, озеро высыхало и
разом все ветви дерёв к облакам подымались тёмным.

Так скупость и безнадёжность у некоторых людей вырывает и вино, и хлеб, и фрукты и забрасывает, правда, не «к облакам потемневшим», а часть — на рынок, часть — в лавки, люди же, хоть и испытывают сильную жажду и голод, ни к чему не прикасаются. Но, если такого скрягу кто-нибудь пригласит, тут-то он угостится на славу; из своих богатств другому он ничего не уделит, да и сам, как бы ни томился, мучит себя воздержанием. Человека, который попытался бы лишиться его имущества, он сочтёт своим злейшим врагом. Себя же самого не считает своим врагом, хотя и лишает себя всего.

По-моему, древние[143] удачно высказывались по этому поводу: то, что не освобождает человека от ненасытности скупости и чванства, то не может освободить его от нужды и недостатка, которые сами по себе не освобождают от ненасытности, скупости и чванства, ибо не могут измениться характер человека. Во всяком случае, характер благоразумных людей не меняется под влиянием бедности, когда из богатых они становятся бедными. Скорее, как мне кажется, можно сказать, что приобретение богатства изменяет цвет кожи, рост или взгляд, чем характер. До тех пор пока человек будет ненасытен, жаден, кичлив и труслив, до той поры он будет испытывать нужду и недостаток.

— Но как люди могут испытывать недостаток в том, чем они владеют?

— А как менялы нуждаются в деньгах, хотя у них есть они? — спрашивает Бион. Потому, что то, чем они распоряжаются, им не принадлежит. Так и эти люди не властны над тем, что имеют. Если тебе дадут что-нибудь на минутку, и ты не можешь им воспользоваться, это ведь то же самое, что и совсем не иметь. Какая разница — вовсе не иметь или иметь так, как форкиды, у которых, согласно легенде, глаз был на спине, и поэтому они натыкались на заборы или падали в канавы и грязь, потому что они не могли ничего видеть перед собой, а Персей похитил у них и этот глаз?[144]Какая разница — не иметь пищи или иметь такую, которой нельзя воспользоваться [так, например, сирийцу нельзя есть] рыбу[145] или голубей, в Египте не станут есть собаку, у греков — человеческую голову. Ведь всё равно будет нуждаться в пище и тот, кто имеет подобную еду, и тот, кто не имеет её вовсе. Тогда что за толк в таком обладании?

Скажем, у тебя есть деньги, но ты ими не пользуешься из-за грязной и трусливой скупости. В этой связи неплохо говорили древние; у одних есть средства, а у других — имущество[146], ибо одни ими пользуются, а другие только имеют, но и сами к ним не прикасаются, и с другими не делятся[147].

И как нельзя касаться имущества, когда царь или правитель опечатывает его, так скупость и безнадёжность опечатывают имущество таких людей и не дают к нему прикоснуться. Так они и живут в нужде и недостатке, стремясь обладать многим, но пользоваться им не в состоянии. Поэтому Кратет [Сократ?] на вопрос одного человека: «Какую пользу я получу от занятий философией?» — ответил: «Сумеешь легко развязать свой кошелёк и дать другому всё, что захватит там рука, а не так, как теперь, вертя его в руках, дрожа и медля, будто тебя паралич схватил. Полон твои кошелёк или пуст, тебе будет безразлично, и ты не станешь страдать из-за этого. Захочешь потратить деньги, то сделаешь это с лёгким сердцем. Ничего не имея, не станешь желать большего, а будешь жить, довольствуясь тем, что есть (*arcoumenos tois parousi*), не стремясь к тому, чего нет, не огорчаясь из-за сложившихся обстоятельств».

Если кто-нибудь хочет сам освободиться от нужды и недостатка или другого освободить, пусть не гонится за богатством ни для себя, ни для другого. Потому что это было бы похоже на то, говорит Бион, как если бы кто-нибудь, желая избавить от болезни страдающего водянкой, не стал бы его лечить, а предоставил бы в его распоряжение источники и реки. Больной скорее будет пить, пока не лопнет, чем избавится от жажды, а тому всё будет мало, пока он не освободится от ненасытности, тщеславия и суеверий. Поэтому если ты хочешь избавить своего сына от нужды и бедности, то не посылай его к Птолемею[148] зарабатывать деньги. От него он вернётся к тебе, прихватив с собой ещё и чванство, и ты ничего не добьёшься. Пошли его лучше к Кратету[149], ибо из ненасытных и расточительных он умеет делать свободных и скромных людей.

Известный Метрокл утверждает: обучаясь у Феофраста и Ксенократа[150], он боялся умереть с голоду и всегда испытывал нужду и недостаток, хотя из дому ему очень много присылали. Когда же в дальнейшем он перешёл к Кратету, а из дому ему уже больше ничего не присылали, он мог содержать не только самого себя, но ещё одного товарища. Ведь раньше он был вынужден носить обувь, да к тому же не на гвоздях, изящную одежду, содержать целую свиту слуг, большой дом для дружеских пирушек, покупать только белый хлеб, изысканную пищу, тонкие вина, соответствующие угощения и тому подобные предметы роскоши. В его прежнем окружении только такой образ жизни считался достойным свободного человека. Когда же он перешёл к Кратету, ничего такого не требовалось.

Характер его изменился — он стал нетребовательным и довольствовался одним плащом, ячменными лепёшками и овощами, не сожалея о прошлом образе жизни, довольствуясь настоящим. Во время холодов мы выбираем себе одежду потеплее, а Кратет складывал свой плащ вдвое и ходил в нём повсюду, имея таким-то удивительным образом два плаща. Когда у него появлялась потребность умаститья, он отправлялся в баню и намазывался там уже использованным однажды маслом. Иногда он подходил к печам кузнецов и жарил там селёдку, слегка поливая её маслом, присаживался и таким образом устраивал себе завтрак.

Летом он спал в храмах, зимой — в банях. Так и Метрокл научился ни в чём не нуждаться, как прежде, и всего у него было в достатке. Жил он, довольствуясь тем, что есть, не испытывая потребности в слугах. Ведь было бы удивительным, говаривал Диоген, чтобы Манес мог жить без Диогена, а Диоген без Манеса не мог бы сохранять даже присутствия духа[151]. Если сделать из человека хвастуна, мота, суеверного, тщеславного и жадного, а потом дать ему ещё много денег, ничего хорошего из этого не получится. Неплохо сказано у Филемона:

Богатство ты добудешь, честность — никогда[152].

Когда же оно не увеличивается, люди недовольны, им не хватает того, что есть, а хотят ещё и того, и другого, и такого, и этакое, поэтому при таких запросах они всегда будут испытывать нужду и недостаток. Плохие люди всегда ненасытны[153].

Мальчик хочет стать поскорее юношей: превратившись в юношу, стремится снять с себя хламиду эфэбов; перейдя в возраст зрелого мужчины, торопится к старости. А теперь, говорит он, мне жизнь не в жизнь: походы, литургии, политика. Так и отдохнуть некогда. Стал стариком — мечтаешь, чтобы вернулась молодость:

Юность мила мне всегда, а старость
Этны тяжеле[154].

А там, глядишь, и жизнь ребенка считаешь счастливой. Ты раб, поэтому жаждешь поскорее освободиться. «Когда я добьюсь свободы, больше мне ничего не надо», — говорит он. Стал свободным. Сейчас же сам стремится обзавестись рабом. Появился раб. Захотел ещё одного. Объясняет: «Одна ласточка не делает весны». Стал хозяином двух рабов — захотелось купить имение, потом получить афинское гражданство, потом стать начальником, потом царём, потом, как Александр, бессмертным. Только если он и этого добьётся, то, я думаю, в конце концов у него появится желание стать самим Зевсом. Как же такой человек сможет быть когда-нибудь довольным? Чем ещё ему нужно владеть, чтобы избавиться от подобных желаний?

Даже цари, которым подчиняется столько земель и которые получают огромные доходы, тем не менее испытывают нужду. Иначе зачем бы им грабить могилы и храмы, сгонять, попирая справедливость, людей с насиженных мест? Только вступив на престол, они уже выдумывают себе много новых потребностей и не могут потом ни отказаться от власти, ни жить поскромнее. Так они вынуждены пользоваться многим даже против собственной воли. Если же кому-нибудь из них посчастливится стать выше всего этого, то он превращается в человека в высшей степени воздержанного и лишённого потребностей и желаний.

Мудро сказал Кратет:

В котомке что за сила, знать не можешь ты.
Бобов не знаешь сладости и жизни без забот.

И в самом деле, как велика и удивительна сила котомки, бобов, овощей, воды! Благодаря им люди могут ни о чём не заботиться и жить свободными от заискиваний и лести.

IV В. О бедности и богатстве[155]

— Бедность препятствует занятиям философией, для них необходимо богатство.

— Нет, с этим нельзя согласиться. Как ты думаешь, сколько людей не имеют условий для этих занятий по вине богатства и сколько — из-за бедности? Разве не видишь, что философией увлекаются главным образом люди несостоятельные, а богачи именно по вине этого своего богатства постоянно пребывают в заботах и тревогах? Хорошо сказал Феогнид:

Больше людей погубило, чем голод, богатство и пресыщение[156].

Может быть, ты мне показал бы тех, кому нужда помешала философствовать, как другим — богатство? Разве ты не замечал, что нужда помогает беднякам укреплять свой дух и тело (caiterein), а богатство ведёт к противоположному результату? Мне думается, когда человеку легко достаётся всё, чего бы он ни пожелал, он больше не чувствует необходимости трудиться и стремиться к чему-нибудь. Имея помощником своих недостатков богатство, он уже не может отказаться ни от каких удовольствий. Но видишь ли ты также, что богатым из-за их постоянной занятости своими делами некогда заняться ничем иным, а бедные, не имея подобных дел, обращаются к философии?

Зенон рассказывает, что Кратет, сидя однажды в сапожной мастерской, вслух читал «Протрептик» Аристотеля, адресованный кипрскому царю Фемисону, где утверждается, что ни у кого нет более благоприятных условий для занятий философией, чем у него, ибо у царя достаточно средств для таких занятий, да к тому же они ещё принесут ему славу. Пока Кратет читал всё это, сапожник занимался своим делом и внимательно слушал. Тогда Кратет обратился к нему: «Послушай, Филиск. Кажется, я напишу „Протрептик“ специально для тебя, ибо, как я вижу, у тебя больше возможностей для занятий философией, чем у царя, которому посвятил свой труд Аристотель». Не видишь ли ты и того, что рабы не только себя кормят, но и платят оброк своим господам, а свободный и себя-то прокормить не умеет? Неимущий, как мне кажется, и от таких забот избавлен и, ничем не владея, имеет значительно больше свободного времени [чем богач]. Так, например, в происходящей сейчас войне[157] бедняк заботится только о себе самом, а богатый — и о других. Софокл вложил в уста Эдипа прекрасные слова:

У вас печаль лишь о самих себе,
Не более — а я душой болею
За город мой, за вас и за себя[158].

Но хотя люди знают, что всё так оно и есть, однако считают себя самыми несчастными, когда они бедны. Говорят, правда, и то, что в городах богатые пользуются большим почётом, чем бедные. Тот, кто так думает, по моему мнению, никогда не слышал об Аристиде, который был беднейшим из афинян, но пользовался огромным уважением, и когда они хотели установить дань (форос) для городов, то назначили для этого Аристида, считая, что никто другой не установит ее более справедливо.

Не слышал он и о том, что Каллий, самый богатый из афинян, старался всем продемонстрировать, что он близок с Аристидом, а не Аристид — что он близок с Каллием, и что Аристид гораздо больше сожалел о богатстве Каллия, чем Каллий — о бедности Аристида. Пользовался ли кто-нибудь большим почётом, чем Лисандр Спартанский, получил кто-нибудь другой больше наград, чем он? Но у него не было даже приданого для дочерей. Можно было привести ещё немало примеров, когда люди, жившие в бедности, удостаивались больших почестей, чем богачи. Мне кажется, Еврипид правильно восхвалял Этеокла, говоря, что в молодости он испытывал нужду, но

Никто другой почёта в Аргосе не знал,
как он[159].

V. О том, что удовольствие не является целью жизни[160]

Если бы счастье в жизни следовало определять по обилию в ней удовольствий, тогда, как утверждает Кратет, вообще не было бы счастливых. Напротив, если рассматривать всю жизнь по возрастным периодам, то обнаружится значительно больше в них неприятностей, [чем удовольствий]. Во-первых, половина жизни [для людей] безразлична: её проводят во сне. Далее, уже в детском возрасте жизнь полна огорчений. Ребёнок голоден, а кормилица укладывает его спать; он хочет пить, а она его купает; ребёнок поспал бы, а она гремит погремушкой. Выходит он из-под опеки няньки и попадает в руки дядьки-педагога, учителя гимнастики — педотриба, затем учителей грамоты, музыки, рисования. Становится старше — прибавляются новые учителя: арифметики, геометрии, верховой езды. [И все его бьют]. Мальчика будят ещё на рассвете и не оставляют ему ни минуты свободного времени.

Наконец, он становится эфебом. И опять он должен бояться надзирателя, учителей гимнастики, военного дела, начальника гимнасия. Все его колотят, все за ним следят, все его хватают за горло. Но кончаются и годы эфебии, и вот ему уже двадцать. Он опять должен бояться и находиться под наблюдением гимнастического начальства и командира-стратега. Собирается лечь спать — они тут как тут. Должен стоять на посту и бодрствовать — и они не спят. Ему надлежит подняться на борт корабля — и они за ним. Человек становится мужчиной и находится в расцвете сил — теперь он должен отправиться в поход, выполнять по поручению государства обязанности посла, становиться стратегом, хорегом, устройтелем состязаний. Теперь он считает счастливыми те дни, когда был ребёнком. Проходит расцвет, и наступает старость. Тут с тобой снова обращаются как с дитятей, а ты вспоминаешь о юности:

Юность мила мне всегда, а старость
Этны тяжеле[161].

Поэтому я не понимаю, как можно прожить счастливую жизнь, если считать счастьем одни удовольствия[162].

VI. О превратностях судьбы[163]

Тиха, судьба, похожа на драматического поэта, ибо создаёт много образов действующих лиц — потерпевшего кораблекрушение и нищего, изгнанника, человека знаменитого и неизвестного. Разумный человек должен хорошо играть любую роль, которую она ему предназначит. Потерпел кораблекрушение — будь на высоте в роли потерпевшего. Из богача превратился в бедняка — хорошо играй роль бедняка:

Смертный, велик ты иль мал, ко всему готовым быть должен[164].

Будь доволен своей одеждой, образом жизни, который ведёшь, и своими слугами, как Лаэрт, который

...беды терпя, обитает далёко

В поле со старой служанкой, которая кормит и поит...[165]

Он и спал прямо на земле, на подстилке из соломы или

Кучу листьев опавших себе нагребёт для постели,

Там и лежит[166].

Если только не стремиться к роскоши, то всего этого достаточно как для удобств, так и для здоровья.

Не в угождение чреву счастье[167], не в изящной одежде, не в пуховой постели. Правильно говорит Еврипид:

... распущенность

толкает нас к еде изысканной[168].

Но не только к пище, а и к тому, что ласкает наше обоняние и слух.

Когда обстоятельства не позволяют, нечего стремиться к роскоши, но надобно, по примеру моряков, следить за направлением ветров и обстановкой. Благоприятствуют — пользуйся. Не благоприятствуют — жди. И подобно тому как на войне, тот, у кого есть конь, сражается как всадник, а другой — в полном вооружении, как гоплит, а третий, у которого ничего нет, как легковооружённый, и когда враг наступает и стреляет, он держится поближе к тяжеловооружённому, так следует поступать и в жизни. Приходится тебе переживать войну, нужду, болезнь — питайся раз в день, обслуживай сам себя, надевай плащ философа, в крайнем же случае ступай в царство Аида.

VII. Об апатии[169]

Не подобно ли тому, как нельзя говорить о гранате без зёрен или о людях без шеи или хребта, также не может быть речи о людях, не испытавших печали или страха? Или (если пользоваться этим же сравнением) не то же ли самое говорить о людях, никогда не совершавших ошибки и не испытавших зависти, что и о гранате без зёрен или о людях без хребта или шеи? Но как в том случае, когда говорят, что человек бесхребетный, это не значит, что у него совсем нет хребта, а просто потому, что у него нет именно такого хребта,

так обстоит дело и тогда, когда мы говорим о людях безумных или неразумных, не потому, что они вообще лишены ума и разума, а потому, что у них нет вот такого ума и такого разума. И когда мы говорим о человеке без хребта, мы понимаем, что хребет у него есть, но он никуда не годен. Так и у неразумного человека есть разум, но дурной; даже безумный имеет ум, но больной. Не так ли? Но, может быть, такое представление просто смешно?

Разве безгрешный человек это не тот, кто совсем не допускает ошибок, а независтливый и честный не тот, кто никогда не завидует и всегда честен, а человек простой и безупречный — не бесхитроsten и не лишён недостатков? А не знающий печали и страха, разве подвержен печали и страху? Так и счастлив только тот, кто не знает страстей и тревог. Но как может быть счастлив человек и как может ему нравиться жизнь, когда он живёт, испытывая боль, печаль или страх? Если он подвержен печали, не значит ли это, что ему не чужды также страх, боязнь, гнев и сострадание? Испытывая все эти чувства, люди огорчаются. Даже ожидание их заставляет пребывать в страхе и тревоге, а тех, кого, как им кажется, незаслуженно постигают эти неприятности, они жалеют, против виновников же направляют свой гнев, негодование и презрение.

Видя ненавистных им людей процветающими, они огорчаются и завидуют, а узнав, что они попали в беду, злорадствуют. Итак, если человек способен испытывать печаль, как он избавится от других чувств? Как можно быть бесчувственным, если ты не свободен от всяких чувств? Тот должен быть счастлив, кто не станет горевать из-за кончины друга или даже ребёнка, тем более из-за собственной смерти.

Разве не кажутся тебе малодушными люди, которые ожидают свою смерть, лишившись покоя и самообладания? Разве стойкому и мужественному человеку не следует собственную смерть встретить так же бестрепетно, как Сократ — без волнения и трусости? Может быть, чужую смерть нужно считать чем-то более тягостным, чем свою собственную? Разве не подобным же образом любят и ценят себя? Разве друга или ребёнка любят больше, чем самого себя? Достояна похвалы дочь, просящая мать:

...родная, давшая мне жизнь,
не проливай потоки слёз по мне[170].

А если мать выполнит просьбу, то её сочтут чёрствой. Между тем все хвалят спартанских женщин за их мужественный характер. Когда одна из них услышала, что её сын, спасая свою жизнь, убежал от врагов, она написала ему: «Плохие слухи о тебе здесь ходят. Или сделай так, чтобы они прекратились, или не показывайся мне на глаза!» Это было равнозначно — «Повесься!». Она не написала так, как это сделала бы в подобных обстоятельствах женщина из Аттики: «Как хорошо, мой сын, что ты сохранил себя дня меня». Когда же другой спартанке вестник сообщил, что её сын пал на поле брани, она только спросила: «Как он сражался?» И когда последовал ответ: «Как отважный воин, мать», — она промолвила: «Как славно, дитя. Ради того я тебя и родила, чтобы ты был полезным и храбрым защитником своей родной Спарты».

Она не стала рыдать и горько оплакивать сына, но, услышав, что он смело сражался, только хвалила его. И в другой раз эта же спартанка повела себя в высшей степени благородно.

Когда её сыновья бежали с поля боя и явились к ней, она сказала: «Вы явились сюда как беглецы? — и, задрвав подол, прибавила: Чего же вы стоите? Полезайте обратно туда, откуда вылезли!» Какая из наших женщин поступила бы таким же образом? Разве она не обрадовалась бы, увидев спасшихся сыновей? А те женщины поступают иначе. Они радуются, услышав о мужественной смерти своих детей... Известны слова одной спартанской эпитафии:

Жизнь сама по себе, как и смерть, ни дурна, ни прекрасна.

Жизнь прекрасно прожить и умереть ты сумеи[171].

Как же после всего сказанного не считать нелепым и безрассудным сидеть после смерти друга и изводить себя плачем и сетованиями? Тогда следовало бы скорее, чтобы прослыть у слабоумных философом, начать горевать и оплакивать друга ещё задолго до его кончины, размышляя над тем, что он явился на свет как смертный человек. «Глупо, — говорит Стильпон[172], — из-за мёртвых пренебрегать живыми. Крестьянин поступает иначе. Когда какая-то часть дерева засыхает, он не срубает и всё остальное, а заботливо выхаживает дерево, стараясь возместить ущерб. Да и мы поступаем так же, когда дело касается нас самих. Было бы смешно, потеряв один глаз, выколоть другой или искалечить вторую ногу, если захромает одна, или, наконец, когда заболит один зуб, выдрать и все остальные. Если бы кто-нибудь в подобных обстоятельствах так рассуждал, он был бы круглым дураком. Если у тебя умрет сын или жена, разве было бы естественным закопать самого себя при жизни, а всё оставшееся имущество уничтожить? А если умрет сын или жена кого-нибудь из твоих знакомых, ты станешь, пожалуй, его утешать, несмотря на свое убеждение, что несчастье нужно переносить мужественно, твёрдо и не слишком принимать к сердцу. Когда же такая беда постигнет тебя самого, ты думаешь, что должен страдать, а не спокойно нести своё горе. Если же дело касается другого, то его ты станешь убеждать проявлять выдержку как в несчастье, так и в бедности, не выходить из себя и не считать жизнь невыносимой. Явному злу ты противопоставишь явное зло и станешь доказывать: раз друг родился, значит он должен и умереть. Ты считаешь, что его смерть тебя обездолила, но забываешь, что его жизнь тебя обогащала. Ты считаешь себя несчастным, потому что, умерев, он больше не будет приносить тебе пользы, но забываешь, что был счастливым, когда живой он помогал тебе».

— Нет, почему же? Но ведь его больше не будет среди нас.

— Его не было и тысячу лет тому назад, не было и во время Троянской войны, не было и тогда, когда жили твои предки. Правда, это тебя не огорчает, а вот из-за того, что его не будет, ты расстраиваешься.

— Но ведь я многого лишился.

— Но вместе с тем ты лишился также многих неприятностей и расходов, которые нёс, помогая и ребенку, и другу при жизни[173].

[...] Ты также не получишь от друга никакой пользы, когда он уедет на чужбину или уйдёт на войну за родину, когда где-нибудь станет исполнять обязанности посла, жреца, заболеет, или, наконец, просто превратится в глубокого старца. Но если ты будешь горевать

по каждому такому поводу, то что же останется делать старухам? Это же совершеннейший вздор — считать, что друг должен отправиться в поход или на чужбину, а если он избегнет этого и не уедет, то упрекать его за ошибочное поведение и в то же время быть недовольным, если он всё-таки уедет в дальние края или отправится на войну. Как не похвалить моряка, воскликнувшего: «Привет, Посейдон! Иду ко Дну»[174]. Пусть и мужественный человек, обращаясь к Судьбе, скажет: «Привет, Тиха! Перед тобой настоящий мужчина, а не рохля».

Версия #1

Зверобой создал 14 ноября 2025 09:40:19

Зверобой обновил 14 ноября 2025 09:44:08